

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РАЙОНЫ И ГРАНИЦЫ

Андрей Геннадьевич Манаков,
доктор географических наук,
профессор кафедры географии естественно-географического факультета
Псковского государственного университета
E-mail: region-psk@yandex.ru

В статье рассмотрена специфика культурно-географического положения Псковской области, а также культурная дифференциация территории области в тесной связи с устойчивостью этнических, диалектных, политических и административных границ. Проанализированы свойства этих границ, значимые с позиции культурной географии. Представлены различные варианты районирования Псковской области: историко-культурное и культурно-ландшафтное.

Ключевые слова: Псковская область; культурные границы; политико-административные границы; этнические и этнокультурные границы; этноисторические границы; этнолингвистические границы; культурное районирование; региональная культурная география

УДК 911.6:008(470.25)

Каждый регион обладает уникальным культурно-географическим разнообразием, самобытной географической историей. Особое место занимают такие исторические регионы как Псковская земля, сыгравшая огромную роль в складывании русской культуры и идентичности. Её уникальность связана, в первую очередь, с её культурно-географическим положением. Так, Псковская область граничит сразу с тремя государствами, и *политические границы* почти в полной мере соответствуют *этническим*. При этом граница с Эстонией и Латвией – это культурный рубеж метаэтнического уровня, т.к. отделяет культурные миры с преобладанием различных религиозных конфессий (Россия – православие; Эстония – лютеранство; восточный край Латвии – Латгалия – католичество). Это определяет различия в господствующих стереотипах поведения и ментальности населения (страны Балтии – ментальность западноевропейского типа, Россия и Беларусь – восточноевропейского типа [Манаков 2004]).

По Псковской области проходят сразу две наиболее значимые *культурные границы* Европейской России, окаймляющие пояс *среднерусской культуры* (он протянулся далее на восток – в сторону Москвы) – переходную полосу между севернорусской и южнорусской культурными зонами. В результате этого северная часть Псковской области попадает в сферу влияния севернорусской культуры, а её южная часть – южнорусской культуры.

Этнолингвистические границы

Культурные, в т.ч. диалектные и этнографические, рубежи в Псковской области почти повторяют административные границы прошлых эпох, наиболее значимой из которых выступает граница Псковской губернии, просуществовавшая фактически в неизменном виде более столетия (с конца XVIII в. до второй четверти XX в.). В начале XX в. территория Псковской губернии примерно соответствовала ареалу *псковской группы говоров*, переходной от средневеликорусских говоров к белорусскому языку. Как и восточные границы Псковской губернии, ареал данной группы говоров тянулся далее на восток, охватывая также западную часть современной Тверской области.

Говоры же крайнего северо-востока Псковской губернии (Солецкий и частично Порховский уезды), как и расположенных к северу Гдовского и Лужского уездов Санкт-Петербургской губернии, рассматривались как северновеликорусские говоры (западной группы). Говоры к югу от границ Псковской губернии, а точнее в Себежском, Невельском и Велижском уездах Витебской губернии (большая часть которых ныне входит в состав Псковской области), в начале XX в. рассматривались как севернобелорусские [Русская... 1989].

Диалектные границы начала XX в. почти полностью повторяют древнейшие рубежи славянского мира, сложившиеся ещё в раннем средневековье. По мнению археолога В.В. Седова, существует преемственность между древнейшими славянскими группировками и выделяемыми в начале XX в. ареалами говоров. В качестве примеров называют, например, археологическую культуру псковских длинных курганов (псковских кривичей) и ареал псковской группы говоров; культуру новгородских сопок (словен ильменских) и территорию западной группы северновеликорусских говоров; культуру длинных курганов смоленско-полоцкого типа (смоленско-полоцкими кривичей) и ареал северных (северо-восточных) белорусских говоров [Седов 2002].

Эти этнолингвистические границы поддерживались в течение нескольких столетий политико-административными рубежами: древнейшая кривичско-словенская граница стала рубежом между Псковской и Новгородской республиками, а граница между Псковской республикой и Литовским княжеством (в дальнейшем – между Российским государством и Речью Посполитой) превратилась из этнографической (между псковскими и смоленско-полоцкими кривичами) в этническую (великорусско-белорусскую).

На карте диалектного членения русского языка [Русская... 1964] в пределах Псковской области выделяются три группы говоров. Локализованная в средней части области псковская группа говоров относится к западным среднерусским «акающим» говорам. На юге области представлена западная группа южного наречия русского языка, на северо-западе области – гдовская группа, относимая к западным среднерусским «окающим» говорам. Кроме того, на крайнем северо-востоке Псковской области представлены новгородские говоры с переходными чертами, которые, как и гдовская группа говоров, относятся к западным среднерусским «окающим» говорам (см. *рис. 1*).

Граница между ареалами среднерусских говоров псковской группы и западной группой говоров южного наречия русского языка – это реликт существовавшей здесь до второй четверти XX в. этнической русско-белорусской границы. После включения в 1924 г. трёх северных уездов Витебской губернии в состав этнически русской Псковской губернии (позднее – последовательно в состав Ленинградской, Западной, Калининской, Великолукской и Псковской областей) эта этническая граница постепенно «растворилась», понизив свой статус до уровня диалектного и этнографического рубежа.

Граница между территорией, занятой западными среднерусскими «окающими» говорами (гдовская группа и новгородские говоры), и западными среднерусскими «акающими» говорами (псковская группа) почти повторяет лингвистический рубеж начала XX в. – между севернорусскими говорами западной группы и среднерусскими говорами псковской группы. Расхождение в классификации групп объясняется методически: в начале XX в. лингвисты относили все «окающие» говоры к северновеликорусским, а во второй половине XX в. в пределах пояса среднерусских говоров стали выделять как «акающие», так и «окающие» говоры. Кроме того, лингвисты обратили внимание на специфические черты гдовских говоров, вычленив их в самостоятельную группу [Русская... 1989].

Из приведённых примеров видно, что культурные рубежи (этнические, лингвистические, этнографические) обладают высокой степенью устойчивости, чему явно способствует их закрепление на длительное время в виде политических и административных границ. Но долго ли будет существовать культурный рубеж после снятия с него функций политической или административной границы? А, значит, выражены ли ещё сейчас старые культурные рубежи? Может ли политическая или административная граница, существующая сравнительно короткое время, сама превратиться в новый культурный рубеж?

Рис. 1. Границы ареалов говоров и групп говоров на территории Псковской области [Манаков 2004: 272]

Политико-административные границы: типология

Для историко-географического анализа политических и административных границ необходимо ввести обозначение *Псковского региона*, включающего как территорию современной Псковской области, так и земли, находившиеся в административном подчинении Пскова в прошлом.

Рис. 2. Длительность существования политических и административных границ Псковского региона [Манаков, Евдокимов 2010: 34]

Кроме границ Псковской губернии, просуществовавших свыше ста лет (см. рис. 2) и соответствующих достаточно чётким культурным рубежам, обратим внимание и на некоторые другие, относящиеся к XX в. Это, например, государственные границы с Эстонией и Латвией 1920-1940 гг., проходившие по западной части современной Псковской области. В 1945 г. на возвращённых России территориях были организованы Печорский и Пыталовский районы, а также просуществовавший до 1958 г. Качановский район (ныне – часть Палкинского района). Вспомним и административные границы, проходившие по средней части со-

временной Псковской области: между Ленинградской и Западной (1929-1935 гг.), Ленинградской и Калининской (1935-1944 гг.), Псковской и Великолукской областями (1944-1957 гг.) [Манаков, Евдокимов, Григорьева 2010].

В политической географии принято выделять *четыре основных морфологических типа («свойства»)* политических и административных границ [Туровский 1999: 113]: природные, геометрические, этнические и исторические. В староосвоенной части России политико-административные границы крайне редко обладают геометрическими свойствами. С учётом специфики территории можно несколько видоизменить перечень свойств границ:

- 1) *природные* (в т.ч. гидрографические, орографические и др.);
- 2) *этнические* (в т.ч. этноисторические);
- 3) *этнокультурные* (в т.ч. конфессиональные, диалектные, этнографические);
- 4) *социально-экономические*.

Административные границы достаточно часто проходят по бывшим политическим (государственным) рубежам. В этом случае можно говорить о *политико-исторических* свойствах административных границ. Ниже представлены различные типы (свойства) политических и административных границ Псковского региона – как современных (см. рис. 4), так и исторических (см. рис. 3).

Природные границы

Определенными *природными свойствами* обладает подавляющее *большинство* современных и исторических границ Псковского региона. Так, например, средневековая Псковская земля протягивалась с севера на юг по восточному побережью Чудского озера и далее расширялась в соответствии с территорией водосбора р. Великой. Восточные границы Псковской земли проходили по водоразделам Лужской, Судомской и Бежаницкой возвышенностей, западные границы – по восточным окраинам возвышенностей Латгальской (Латвия) и Хаанья (Эстония).

Северная граница Псковской губернии (1796-1927 гг.) шла по южным отрогам Лужской возвышенности, восточная граница – по Полистовскому болотному массиву и р. Западная Двина. Южная (до 1924 г.) – совпадала с древней политической границей с Великим княжеством Литовским, а затем – с Речью Посполитой и разделяла камово-моренные холмистые ландшафты Бежаницкой и Валдайской возвышенностей (с севера) и повышенные зандровые ландшафты (с юга) [Исаченко и др. 1965]. Западная же граница губернии почти полностью повторяла рубежи Псковской средневековой республики с обозначенными выше природными свойствами.

Границы современной Псковской области также имеют соответствие с некоторыми природными рубежами. На севере они огибают Лужскую возвышенность, на юго-востоке – проходят частично по рекам Кунья и Западная Двина; южная граница протянулась, в основном, по водоразделу рек Великой и Ловати (с севера) и Западной Двины (с юга). Западные и восточные границы области, заметно более старые, также соответствуют ярко выраженным природным рубежам, рассмотренным выше.

То же касается и исторических границ, большинство которых имеет очевидный природный характер. Например, государственная граница Российской империи после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. была проведена по рекам Западная Двина, Друть и Днепр [Чепелкин, Дьякова 1992]. Границы между Псковской и Великолукской провинциями в XVIII в., Псковским и Великолукским округами в 1935-1940 гг., Псковской и Великолукской областями в 1944-1957 гг. проходили преимущественно по водоразделу Бежаницкой возвышенности. Природные свойства фактически всех политических и административных границ намного лучше прослеживаются на топоуровне, поскольку на определённой местности они обычно привязываются к мелким природным объектам – небольшим рекам, ручьям, высотам и т.д.

Рис. 3. Свойства (типы) политических и административных границ Псковского региона XIII-XIX вв. [Манаков, Евдокимов 2010: 39]

Этнические и этнокультурные границы

Этнические и конфессиональные границы обычно наиболее контрастны. Как свидетельствуют результаты проведённого нами исследования, именно этноконфессиональные границы обладают наивысшей степенью устойчивости.

Этническими свойствами обладают современные государственные границы с Эстонией, Латвией и Белоруссией. В случае с Латвией и частично с Эстонией добавляются также конфессиональные свойства государственной границы. Лишь печорский участок границы с Эстонией, будучи приведённым в 1945 г. в большее соответствие с этнической границей, утратил конфессиональные свойства, т.к. стал разделять русских и православный этнос сету (финно-угорский народ, родственный по языку эстонцам) [Манаков, Потапова 2012].

Рис. 4. Свойства (типы) политических и административных границ Псковского региона XX – начала XXI вв. [Манаков, Евдокимов 2010: 43]

Этническими и одновременно конфессиональными были западные и южные границы Псковского региона на протяжении XIII-XVIII вв. (Псковской земли XIII-XVI вв., Псковской провинции XVI-XVIII вв., Псковского наместничества XVIII в.). Южная граница Псковской губернии, созданной в 1796 г., унаследовала только этнические свойства (между великорусами и белорусами). Но и эта этническая граница в XX в. (после присоединения в 1924 г. к Псковской губернии трёх уездов Витебской губернии) сдвинулась дальше на юг и стала соответствовать современной границе с Республикой Беларусь. Конфессиональные свойства южного рубежа Псковской губернии, разделявшей ранее католическое и православное государства, были утрачены в конце XVIII в., когда в результате первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) граница Российской империи отодвинулась далеко на юг.

Тем не менее, в XX в. бывшая южная граница Псковской губернии сохраняла этнокультурные свойства – этнографические и диалектные. Южные районы современной

Псковской области рассматривают как часть южной этнографической зоны русского народа, а диалект местного населения относят к западной группе говоров южного наречия русского языка. Впрочем, фактически этнографические и диалектные особенности южных районов области – это отражение белорусского прошлого этих территорий. Так, ещё в начале XX в. местные говоры рассматривали как точнее, севернобелорусские, а соседние с ними говоры псковской группы считались переходными от средневеликорусских к белорусскому языку [Русская... 1989].

Северная и частично восточная граница Псковской губернии 1796-1927 гг. также примерно соответствует диалектной – между среднерусскими «акающими» говорами псковской группы (с южной стороны), и среднерусскими «окающими» говорами гдовской группы и новгородскими говорами (с севера). Это ещё и этнографическая линия раздела между средней и северной историко-этнографическими группами русского народа [Манаков 2004].

В значительно большей степени характер этнографической и диалектной границ носили рубежи Псковской и Великолукской провинций XVIII в., совместная территория которых почти совпадала с ареалом распространения среднерусских говоров псковской группы. С закреплением в конце XVIII в. границ Псковской губернии определилась новая территория для культурного выравнивания, и ареал распространения говоров псковской группы стал в большей степени соответствовать губернским границам [Русская... 1964].

Западные границы современной Псковской области обрели этнические и конфессиональные свойства ещё в XIII в., когда определились политические рубежи между Новгородской (а затем и Псковской) республикой и Ливонским рыцарским орденом. Изначально здесь разделялись католическое и православное политические образования, и лишь в XVII в., с включением Лифляндии в состав Шведского королевства, на территории современной Эстонии и западной Латвии закрепилось лютеранство. Лишь на востоке Латвии, в Латгалии, по причине ее вхождения в XVI в. в состав Речи Посполитой, была сохранена католическая религия. Несмотря на частые военные конфликты и политические изменения, конфессиональный характер западной границы Псковского региона сохранялся на протяжении последних восьми столетий [Манаков 2004].

Этноисторические и социально-экономические границы

Границы средневековой Псковской земли обладали не только природными, но и этническими свойствами. Так, территория Псковской республики в значительной степени соответствовала ареалу расселения псковской ветви кривичей – одной из групп восточнославянских племён. В археологии с данной группой племён принято отождествлять носителей культуры псковских длинных курганов, существовавшей с середины I тыс. н.э. до VIII в. [Седов 2002]. Западная часть ареала культуры псковских длинных курганов, охватывающая преимущественно бассейн Великой и восточное побережье Чудского озера, в дальнейшем стала рассматриваться как территория расселения псковских кривичей. К моменту выделения из новгородских земель в XIII в. Псковской вечевой республики, возможно, бывшие этнические различия между псковскими кривичами и новгородскими славянами (словенами ильменскими) стали отражаться только в этнографических и диалектных особенностях средневекового населения. Поэтому можно считать, что граница средневековой Псковской земли носит *этноисторический* характер.

Также этноисторическими свойствами обладали в начале XIII в. границы Новгородской земли (в дальнейшем Псковской и Великолукской земель) с Полоцким княжеством, позже переросшими в рубежи с Великим княжеством Литовским, а затем – с Речью Посполитой (до 1772 г.). Вплоть до конца VII – начала VIII веков эта граница носила этнический (балто-славянский) характер, пока к югу от неё не началась славянизация балтского населения, связываемая с формированием археологической культуры длинных курганов смоленско-полоцкого типа. Носители этой культуры отождествляются со

смоленско-полоцкими кривичами, родственными псковским кривичам, но имеющими более значительный балтский субстрат [Седов 2002]. Ареал расселения смоленско-полоцких кривичей стал частью территории формирования белорусского этноса, поэтому в дальнейшем граница между псковскими и смоленско-полоцкими кривичами, став фактически этнографической, вновь приобрела этнические свойства.

Отметим, что до славянского заселения эта граница на протяжении нескольких тысяч лет разделяла археологические культуры, отождествляемые с разными этническими общностями [Герд 1988], что может быть отражением природной контрастности этой границы.

Последний пример показывает, насколько высока степень преемственности между древними этническими рубежами, зачастую имеющими природный характер, и политическими границами. Поэтому неслучайно, что на бывшие политические рубежи часто опирались при проведении новых административных размежеваний. К примеру, границы Псковской провинции XVIII в. в значительной степени повторяют рубежи средневековой Псковской земли. Линия раздела между Псковским наместничеством и Санкт-Петербургской губернией в 1777-1780 гг. проходили по прежней государственной границе России с Шведской Ингерманландией. Также *политико-историческими свойствами* обладали западные и южные границы Псковского наместничества с 1777 г., преобразованного в 1796 г. в губернию.

Начиная с 1920-х годов, при формировании административно-территориального деления (АТД) большее внимание стали уделять *социально-экономическим свойствам* административных границ. С этого времени АТД превращается в один из важнейших инструментов региональной политики, а границы стали приобретать функции социально-экономических барьеров. Подводя итоги советской эпохи реформирования АТД, Б.Б. Родоман пишет, что АТД стало превращаться в универсальные ячейки жизни общества: в СССР по административно-территориальным единицам была организована почти вся жизнь общества – от распределения товаров и управления производством до социального обеспечения и церковных епархий [Родоман 1993]. Таким образом, социально-экономическими свойствами в той или иной степени обладали *все* административные границы, рождённые реформами АТД в советское время и – тем более – все политические границы XX – начала XXI вв.

Историко-культурные районы

Выявленные нами культурные границы, зачастую соответствующие современным и историческим политико-административным рубежам, служат серьёзным основанием для осуществления различных вариантов *культурного районирования* Псковской области (см. *рис. 5*).

Нами на территории Псковской области были выделены шесть историко-культурных районов (земель) [Манаков 2004]. Их границы вполне сопоставимы с контурами пяти социально-культурных районов [Манаков 1995]: Гдово-Лужской земли (Северный край), Шелонской земли (Северо-Восточный край), Нижневеликорецкой и Верхневеликорецкой земель (Великорецкий или Центральный район), Великолукской земли и Себежско-Невельского поозерья (Восточный и Южный край).

В качестве самостоятельного историко-культурного района мы обозначаем Западное порубежье, включающее территории Псковской области, входившие в 1920-30-е годы в состав Эстонии и Латвии [Кулаков, Манаков 1994]. Это геокультурное образование расположено на культурной границе метаэтнического уровня, – а точнее в пределах широкой контактной зоны между культурными мирами России, с одной стороны, и Эстонией и Латвией, с другой. Даже с точки зрения этнического происхождения местного населения эта территория отличается от соседних районов Псковской области: латышские корни имеет каждый десятый житель Пыталовского района, а эстонские или сетуские – каждый пятый житель Печорского района.

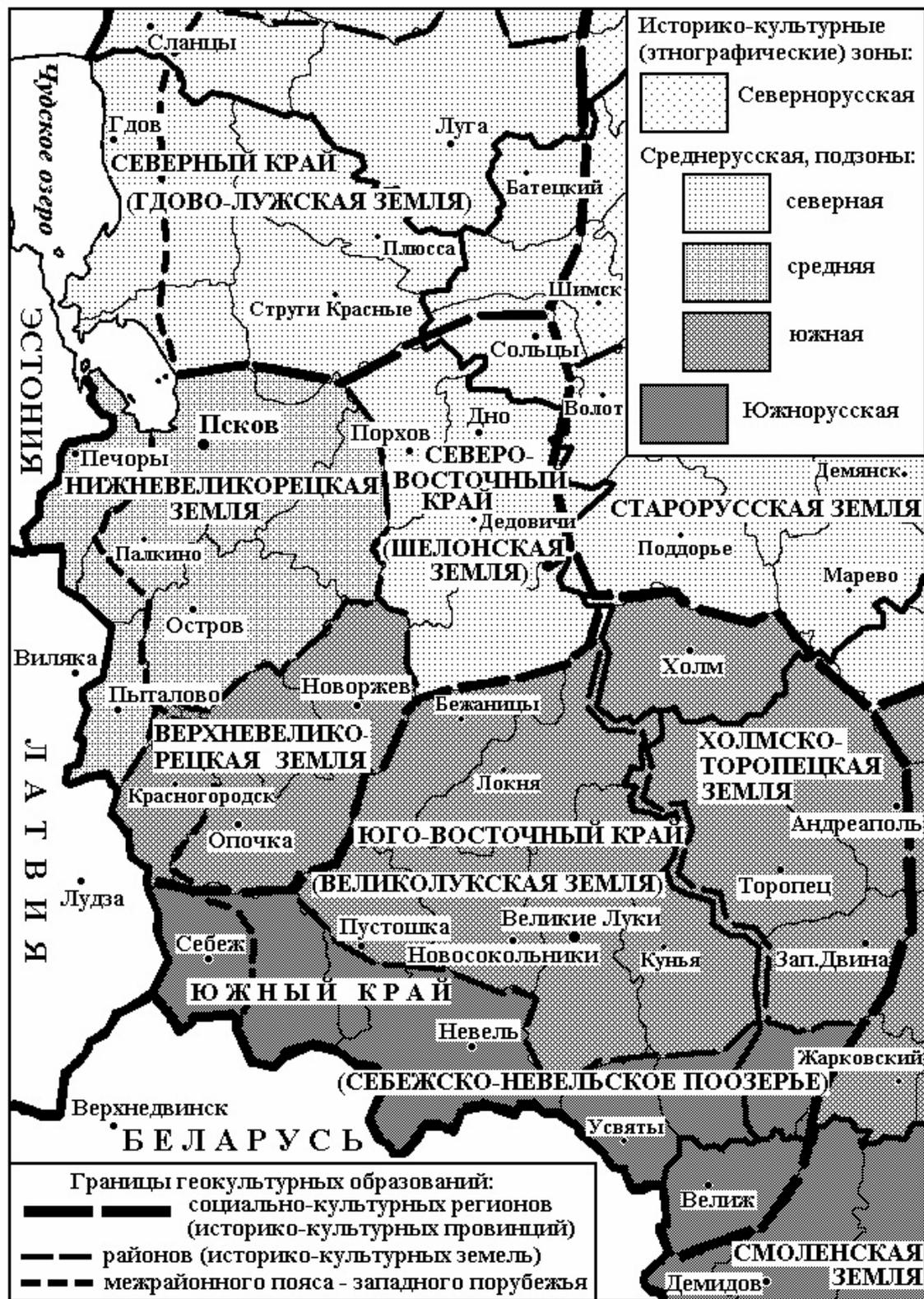

Рис. 5. Культурное районирование Псковской области и соседних территорий России [Манаков 2004: 279]

Аналогичная ситуация наблюдается и в белорусском приграничье (Южный край, или Себежско-Невельское поозерье), которое ещё во второй четверти XX в. представляло собой ярко выраженную этноконтактную зону. Согласно результатам наших исследований, белорусские корни здесь имеет 10-15% коренного населения, у 10% местных жителей есть белорусские родственники. При этом почти каждый пятый житель районов, прилегающих к Республике Беларусь, может говорить по-белорусски; более половины местного населения понимает белорусский язык [Манаков 2004].

Культурно-ландшафтные округа

Выявленные культурные границы нашли своё отражение и в *культурно-ландшафтном районировании* территории Псковской области. Для него мы предлагаем следующую таксономическую схему: культурно-ландшафтная единица (КЛЕ), культурный ландшафт (КЛ), культурно-ландшафтный район (КЛР), культурно-ландшафтный округ (КЛО), культурно-ландшафтная провинция (КЛП) и т.д. [Андреев 2011].

Культурные ландшафты Псковской области были объединены в КЛО на основе природно-ландшафтных, историко-культурных, этнографических, этнолингвистических и других особенностей. Это позволило выделить четыре КЛО в пределах области (см. *рис. б*): Северный (Плюско-Гдовский), Псковско-Великорецкий, Восточный и Южный.

Округа чётко выделяются, в первую очередь, на основе природно-ландшафтных признаков. Так, северная часть Псковской области находится в пределах подзоны южной тайги, что в совокупности с холмистым рельефом Лужской возвышенности в центральной части и приозёрными ландшафтами в западной части послужило основой для формирования отличий в структуре и облике культурных ландшафтов. Кроме того, данная территория длительное время не входила в состав современной Псковской области. Наконец, отличия от остальной территории области проявляются в этнографических и лингвистических особенностях населения.

Псковско-Великорецкий КЛО фактически находится в пределах древних границ Псковской земли и включает в себя бассейн реки Великой с прилегающими территориями. В основе выделения данного округа лежат, прежде всего, культурно-исторические особенности развития культурных ландшафтов в «старых» границах. Также здесь следует отметить влияние соседства с культурными ландшафтами Эстонии и Латвии.

Выделение Южного КЛО основано на том, что в политико-историческом плане южные районы долгое время не входили в состав Псковского региона. Как и Северный, Южный КЛО имеет специфические природные и этнографические характеристики, рассмотренные выше.

Восточный КЛО – это совокупность культурных ландшафтов, которые исторически либо относились к бывшей Новгородской земле (северная часть), либо тяготели к Великим Лукам (южная часть) – второму по величине городу региона, бывшему некоторое время самостоятельным областным центром. Земли юго-восточной части области в разные исторические промежутки находились под влиянием Новгородской республики, Великого княжества Литовского, Московского государства, Пскова [Андреев 2011].

Историко-географические районы

Предложенная методика анализа связи культурных и политико-административных границ может быть востребована при осуществлении историко-географического районирования, где весомую роль играют, вместе с природными, также историко-культурные и историко-политические характеристики территорий. Для этого на карте устойчивости политико-административных границ за длительный период можно выделить, в зависимости от возраста, статуса и свойств границ, политико-исторические ячейки разных порядков, что может послужить основанием для выявления историко-географических районов разных иерархических уровней.

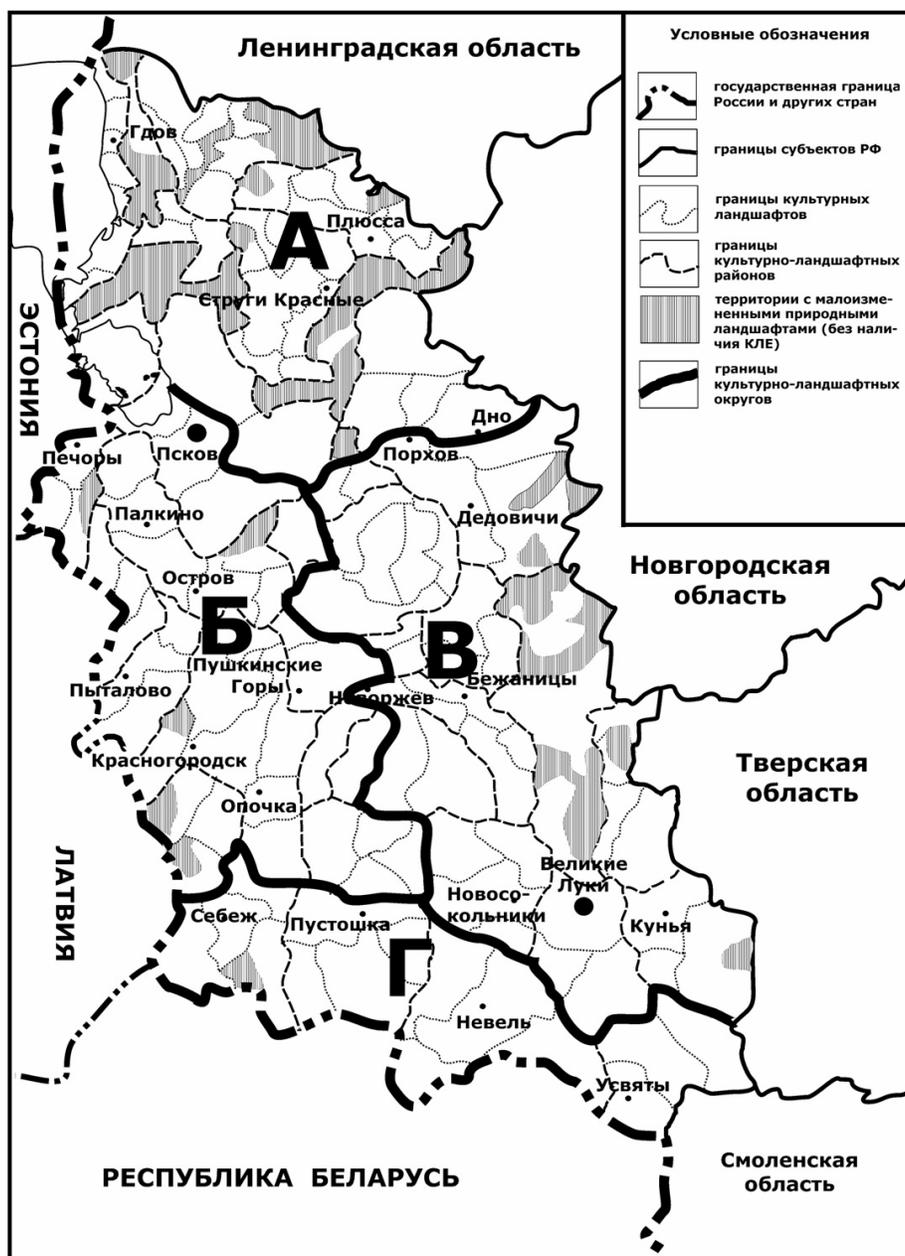

Рис. 6. Культурно-ландшафтные округа Псковской области [Андреев 2011: 128]:
 А – Северный (Гдовско-Плюссский), Б – Псковско-Великоречский; В – Восточный; Г – Южный.

При этом главными аргументами в пользу существования историко-географических районов являются как наличие исторических ядер, так и относительная устойчивость внешних границ районов [Манаков, Андреев 2011].

В связи с этим следует вспомнить слова, высказанные авторами методики геоисторического (по сути, историко-культурного) районирования мира: «регионы можно уподобить палимпсестам – неоднократно переписываемым старым пергаментом, где тексты на страницах время от времени смываются, а поверх их проступающих следов пишутся новые, но при этом «формант» страниц и структура фолианта не меняются. При всех перипетиях нашествий, переселений, технологических и политических революций границы регионов имеют свойство вновь «проступать» наружу, перевоплощаясь во все новых ипостасях. Устойчивость границ

объясняется исторически аккумулятивной «массой своеобразия», своего рода наследственностью регионов, но генетически это границы физико-географические» [Крищюнас 1993: 105]. Используемая в культурной географии метафора палимпсеста отражает видение ландшафта как многослойной структуры, хранящей следы различных эпох [Митин 2012].

Впрочем, не всякая природная граница служит маркером историко-географического района, а только неоднократно «проявившая» себя при формировании политико-административных рубежей. Последние, в свою очередь, устойчивы только при совпадении с этнокультурными границами. А вот уже в рамках самих политико-административных образований обычно преобладает тенденция к стиранию этнокультурных различий.

Литература

Андреев А.А. Культурно-ландшафтное районирование территории Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2011. №11. С. 113-132.

Герд А.С. К реконструкции днепро-двинской диалектной зоны // Псковские говоры в их прошлом и настоящем / Отв. ред. Л.Я. Костючук. Л.: ЛГПИ, 1988. С. 118-122.

Исаченко А.Г., Дашкевич З.В., Карнаухова Е.В. Физико-географическое районирование Северо-Запада СССР / Под ред. А.Г. Исаченко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965.

Крищюнас В.-Р. Л. Геоисторическая парадигма и районирование мира // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993. С. 95-113.

Кулаков И.С., Манаков А.Г. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: Варяг, 1994.

Манаков А.Г. Опыт экономического и социально-культурного районирования Псковской области // Проблемы экологии и рационального природопользования Северо-Запада России и Псковской области. Псков: Изд. ПГПИ, 1995. С. 22-23.

Манаков А.Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004.

Манаков А.Г., Андреев А.А. Историко-географическое районирование России как междисциплинарный исследовательский проект // Псковский регионологический журнал. 2011. №12. С. 101-112.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ // Псковский регионологический журнал. 2010. №10. С. 29-48.

Манаков А.Г., Евдокимов С.И., Григорьева Н.В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. Псков: Логос, 2010.

Манаков А.Г., Потапова К.Н. Этнодемографический портрет сету Печорского района Псковской области в начале второго десятилетия XXI века // Псковский регионологический журнал. 2012. №13. С. 67-79.

Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал. 2012. №13. С. 3-11.

Родоман Б.Б. Введение в социальную географию: Курс лекций. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1993.

Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М.: Наука, 1964.

Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Просвещение, 1989.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Туровский Р.Ф. Политическая география: Учебное пособие. М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.

Чепелкин М.А., Дьякова Н.А. Исторический очерк формирования государственных границ Российской империи (2-я половина XVII – начало XX вв.). М.: Российский научный фонд, 1992.